

Людмила Сараскина

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ Н.В. СТАВРОГИНА (гипотеза)

Процитирую три фрагмента из романа «Бесы».

Первый: «Кончив курс, он (Николай Ставрогин. — Л.С.), по желанию мамыши, поступил в военную службу и вскоре был зачислен в один из самых видных гвардейских кавалерийских полков. Показать мамаше в мундире он не приехал и редко стал писать из Петербурга. <...> Ее очень интересовали успехи сына в высшем петербургском обществе. Что не удалось ей, то удалось молодому офицеру, богатому и с надеждами. Он возобновил такие знакомства, о которых она и мечтать уже не могла, и везде был принят с большим удовольствием» (10; 35–36).

Второй: «Очень скоро начали доходить к Варваре Петровне довольно странные слухи: молодой человек как-то безумно и вдруг закутил. Не то чтоб он играл или очень пил; рассказывали только о какой-то дикой разнузданности, о задавленных рысачами людях, о зверском поступке с одною дамой хорошего общества, с которою он был в связи, а потом оскорбил ее публично. Что-то даже слишком уж откровенно грязное было в этом деле. Прибавляли сверх того, что он какой-то бретер, привязывается и оскорбляет из удовольствия оскорбить» (10; 36).

Третий: «Скоро было получено роковое известие, что принц Гарри имел почти разом две дуэли, кругом был виноват в обеих, убил одного из своих противников наповал, а другого искалечил и вследствие таковых деяний был отдан под суд. Дело кончилось разжалованием в солдаты, с лише-

нием прав и ссылкой на службу в один из пехотных армейских полков, да и то еще по особенной милости» (10; 36).

Если к версии о товарище Ф.М. Достоевского по процессу петрашевцев, Н.А. Спешневе, как прототипе Ставрогина относиться сколько-нибудь серьезно (равно как и к аргументации в пользу этой версии¹), если также согласиться с тем обстоятельством, что в «Бесах» действительно использованы многие факты биографии Спешнева (в первую очередь его внешность, учеба в Царскосельском лицее, пятилетнее пребывание за границей, загадочность поведения, участие в радикальных кружках и т. д.), то некоторые факты разительных биографических различий персонажа и прототипа требуют комментария. Речь идет, в первую очередь, о военной карьере Ставрогина, о его скандальной светской жизни в Петербурге, о военном суде над ним, разжаловании в солдаты и ссылке в отдаленный армейский полк. Почему, используя в романе богатую фактуру жизни реального человека, писатель в каких-то пунктах взрывает реальную биографию в пользу вымышленных и как бы приписанных герою обстоятельств?

Ведь ничего подобного, что перечислено в трех процитированных фрагментах «Бесов», со Спешневым не происходило — ни военной службы в кавалерийском полку, ни скандальных походов в Петербурге во время этой службы, ни, стало быть, суда и разжалования. Военная эпопея Ставрогина к реальному Спешневу никакого отношения не имеет и просто вопиюще противоречит личности и устремлениям сугубо штатского Николая Александровича; противоречит принципиально — до такой степени, что генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев (Амурский) в 1856 году писал специальное прошение шефу жандармов графу Орлову о нежелательности использовать Спешнева на военной службе, а только на гражданской, когда тот вышел из Александровского завода на поселение в Иркутск. «Приемлю смелость обратить внимание Вашего сиятельства на Спешнева, <...> который, не будучи никогда в военной службе, мог бы по воспитанию своему с пользою заслужить Высочайшую милость и в гражданской, если только даровано будет ему право вступления в гражданскую службу в одной из российских губерний»².

Конечно, Ф.М.: Достоевский волен был приписать герою то, что с прототипом героя не происходило никогда; но тогда вопрос об источниках военной биографии Ставрогина стоит еще более остро.

Занимаясь биографией Н.А. Спешнева, я необходимо должна была обратиться к его родословной, и прежде всего к дворянскому гербу.

«Щитъ разделень параллельно на две части, въ верхней части въ голубомъ поле изображены три золотыя шестиугольныя звезды и посредине оныхъ серебряная луна, рогами в правую сторону обращенная. Въ нижней части въ зеленомъ поле серебряный олень, бегущій въ правую сторону. Щитъ увенчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною с тремя на оной строусовыми перьями. Наметь на щите голубый, подложенный серебромъ»³, — так описан герб рода «дворян Спешневых» в «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской империи».

В «Российской родословной книге», составленной князем П.В. Долгоруковым, в перечне фамилий на «С», существовавших в России до 1600 года, значатся «Сомовы, Сонины, Сонцовы, Спицыны, Спешневы, Стерлиговы и Страховы»⁴. Дворяне «Спешневы» были занесены и в «Бархатную книгу»⁵. Общий Гербовник дворянских родов, начатый в 1797 году, представляет две ветви рода Спешневых. Та, от которой произошли предки Н.А. Спешнева, считалась старшей ветвью рода и именовалась «Потомством Семена Фомича Спешнева, владевшим поместьями в 1628 году»: серебряный олень (образ красоты, правдивости и невинности) в зеленом поле (символе надежды, изобилия, свободы и радости) бежит на восток при звездах и молодом месяце.

Потомство С.Ф. Спешнева отличалось отменным усердием в делах служебных. «Фамилии Спешневых многие служили Российскому престолу дворянские службы и владели поместьями, писанными за ними по писцовым и отказным книгам в 7136/1628 и последующим годам. Все сие доказывается справкою Разрядного архива, копиями отказных документов и писцовых книг и определением Курского дворянского депутатского собрания о внесении рода Спешневых в 6-ю часть родословной книги, в число древнего дворянства».⁶

Роды Спешневых были внесены в VI часть родословных книг Воронежской, Курской, Новгородской и Тверской губерний, поместья же Спешневы имели также в Тульской и Орловской губерниях.

Сам Семен Фомич, стрелецкий голова, был убит под Астраханью в 1591 году (а значит, служил Российскому престолу еще в XVI веке); другие воеводствовали позже: Иван Спешнев в начале XVII века в Новодевичьем монастыре; его сын, Михайло Иванович, между 1617-м и 1639-м — в Данкове, Козлове, Коломне и Великом Устюге; Осип Иванович в Луху и Кокшайске (1655—1657); Григорий Силыч — на Короче, в Усмани и Ефремове (1663—1680), Логин Сампсонович в Мценске (1689—1692); Авраам Иванович построил в 1748 году каменную церковь Св. Димитрия Ростовского⁷ в Данкове — и это событие отстоит всего на столетие от ключевой даты нашего жизнеописания.

Младшая ветвь рода имела более экзотическое происхождение.

В 1852 году князь П.В. Долгоруков опубликовал в «Москвитяине» копии двух старинных грамот с пояснением: «Копии с подлинных грамот хранятся в моей здешней вотчинной конторе, потому что часть земель, Спешневым пожалованных, вошла, через продажу, в состав моего тульского имения, а достоверность содержания этих копий подтверждается имеющимися в моей вотчинной конторе писцовыми книгами и справкой, в 1761 году из вотчинной конторы выданной». Грамоты поведали историю татарской ветви рода Спешневых. «Предок фамилии Спешневых, знатный татарин из касимовских мурз, по имени Чегодай, еще будучи мусульманином, отличился при царе Шуйском, в Московское осадное сидение, и в это время, в 1609 году, принял святое крещение, с именем Флора Васильевича Спешнева. Крестил его знаменитый патриарх Гермоген, и нарек Флором, потому что обряд Святого Крещения был в августе, в день мучеников Флора и Лавра, а Васильевичем по имени крестного отца его, боярина князя Василия Васильевича Голицына, и вскоре новый христианин пожалован был от царя вотчиною. От него происходят дворяне Спешневы⁸. 14 сентября 1852. Село Богословское—Спешнево Чернского уезда Тульской губернии»⁹.

Дворянский герб «татарских» Спешневых имел несколько выразительных геральдических отличий. «В щите, разделенномъ горизонтально на двое, в верхней половине въ правомъ голубомъ поле изображены две золотыя шестиугольныя звезды и подъ ними серебряный полумесяць рогами вверхъ; а въ левомъ красномъ поле изъ облакъ означенныхъ въ верхнемъ левомъ углу, виденъ выходящій лукъ с стрелою. Въ нижней половине въ золотомъ поле, находится бегущій въ правую сторону по земле олень. Щитъ увенчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною. Наметь на щите красный и голубый, подложенный золотомъ»¹⁰. При обилии золотых красок (символа рыцарской чести) на бегущего по земле оленя кто-то сверху, «изъ облакъ», нацеливает лук со стрелой — на фоне «червленого», то есть пропитанного кровью поля.

Вотчины, полученные Чегодаем (Чаадаем) Спешневым, располагались не только в Чернском уезде Тульской губернии (где было родовое село Богословское—Спешнево), но и в соседних губерниях. В генеалогических списках дворян Тверской губернии по Бежецкому уезду в 1609—1621 годах также числятся Спешневы, и именно этот первый из них, по имени «Чаадай Васильевич, в крещении Флор», в 1679—1688-м уже имевший внуков и правнуков¹¹. Сам же Флор Васильевич вновь был пожалован вотчиною и грамотою на нее в 1616-м, позже был воеводою в Новосиме (1632—1633) и у Воцкой Засеки (1639)¹².

Потомки Чаадая, наследовавшие вотчины с правом продажи, заклада и отдачи в приданое, были служивыми дворянами. «Фамилии Спешневых, Чаадай <...>, в 7118/1610 году за Московское осадное сиденье пожалован вотчиною, и оно грамотою. Равным образом и другие многие сего рода Спешневы Российскому престолу служили дворянские службы в разных чинах и жалованы были от государей поместьями»¹³. В списке из сорока московских, калужских и прочих Спешневых, упоминаемых в боярских книгах в допетровские времена, были стряпчие и стольники — в «начальных людях, генералах и государыни царицы Прасковьи Феодоровны»¹⁴.

Резво бегущий при ярком свете луны серебряный олень, изображенный на щите дворянского герба Спешневых обеих ветвей, ясно определял занятия представителей рода, и

предки Николая Александровича традицию эту блюли. Прадед его, Иван Спешнев, недорослем был определен в солдаты Лейб-Регимента, учрежденного Петром I для дворянских детей; из сержантов произведен в подпоручики (1727) и выпущен в лейб-гвардии Преображенский полк¹⁵; в царствование Анны Иоанновны переведен в лейб-гвардии Конный полк, в 1738-м уже полковником назначен комендантом Бахмута, вскоре выйдя в отставку «за старостию»¹⁶. В «Списке воинскому департаменту...» среди лучших русских фамилий — двоюродные деды Спешнева: Алексей Спешнев, подполковник Рижского карабинерного полка, и Дмитрий Спешнев, премьер-майор Нижегородского драгунского полка¹⁷.

До сих пор сведений об отце Николая Александровича было весьма немного (неверно указывалось — даже у В.Р. Лейкиной-Свирской — его отчество: Андреевич вместо Николаевич). Семейные архивы не сохранили свидетельств о его военной карьере; известно лишь, что Анна Сергеевна Спешнева в официальных бумагах называлась подпоручицей, а сам он «господином подпоручиком и кавалером Спешневым».

Как показали поиски, военная служба и частная жизнь Александра Николаевича Спешнева (1782—1840) были полны взлетов и падений.

Курский помещик, владевший в Фатежском уезде сотней крестьян, Н.И. Спешнев, по обычаю своего времени, записал двенадцатилетнего сына сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1799-м, когда началась действительная служба, юнкер Спешнев был произведен в прапорщики и переведен в Оренбургский гарнизонный полк. В 1801-м, согласно прошению, он был уволен с чином подпоручика и шесть лет проживал в своем имении.

В конце 1806 года войска Наполеона приблизились к западным границам России, и дворянская молодежь устремилась в действующую армию. 11 марта 1807 года Александр Спешнев был принят в лейб-гренадерский полк, 25 марта принял боевое крещение, 24 мая участвовал в бою «при разбитии корпуса маршала Нея под Гутштадтом», 25-го — «при прогнании неприятеля при реке Пассарге»; 29-го — в генеральном сражении при городе Гейльсберге. В начале июня

лейб-гренадерам пришлось вступить в жестокое сражение при городе Фридлянде.

За мужество и храбрость, оказанные в этом сражении, всем офицерам были пожалованы ордена, а нижние чины награждены каждый знаком отличия военного ордена Святого Георгия. В числе награжденных офицеров числился и прапорщик Спешнев, заслуживший орден Святой Анны 3-й степени с надписью на полусабле «За храбрость»¹⁸. Рядом с лейб-гренадерами сражались корнеты кавалергардского полка М.С. Лунин (орден Анны 4-й степени за отличие под Гейльсбергом) и М.Ф. Орлов; поручик кавалергардского полка князь С.Г. Волконский (орден Владимира 4-й степени, золотая шпага с надписью «За храбрость»).

15 августа лейб-гренадеры прибыли в Красное Село; здесь 22-го августа на Высочайшем смотре государь лично раздал награды отличившимся: орден Святой Анны прапорщик Спешнев получил из рук императора Александра¹⁹.

Послужной список Спешнева отмечал немало сражений при взятии турецких крепостей в Бессарабии и Румынии и «много других неприятельских перестрелок». В ноябре 1809 года лейб-гренадеры возвратились в Петербург и перешли на мирное положение. В канун нового года прапорщик Спешнев был произведен в подпоручики и назначен адъютантом к полковому командиру, генерал-майору графу П.А. Строганову.

Через четыре месяца, 22 марта 1810 года, по приказу военного министра Барклая де Толли подпоручик Спешнев тем же чином был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк²⁰. Это был несомненный взлет в карьере подпоручика, удостоенного чести служить в прославленном полку. Преображенец Спешнев попадает в «общий штат Российской империи» — «Месяцеслов с росписью чиновных особ...» на 1810 год публикует его имя в списке офицеров императорской гвардии.

Среди сослуживцев Спешнева — командир генерал-лейтенант П.А. Толстой; полковники принц Мекленбургский, барон Дризен, граф Дебальмен, И.Ф. Паскевич (будущий генерал-фельдмаршал, правитель Кавказа, полководец в русско-турецкой войне 1828 г. и автор Туркманчайского мира);

капитаны граф Браницкий, граф Федор Иванович Толстой («ночной разбойник и дуэлист», успевший побывать в кругосветном путешествии Крузенштерна, пожить на Алеутских островах; в 1810 году ему только 28 лет, как Паскевичу и Спешневу), граф Г.П. Потемкин; поручики граф Ираклий де Полиньяк (французский эмигрант на русской службе, будущий член Северного общества); барон Пирх, В.В. Кочубей, Н.Н. Гудович, Д.Н. Беклешов. Среди двадцати подпоручиков лучших русских фамилий (Стремоухов, Шеншин, Анненков, Обольянинов, Новосильцев, Бестужев и др.), всего двое награжденных, и Спешнев один из них²¹.

В жизни преображенцев это было памятное время. Полк стоял в Петербурге, офицеры несли службу во внутреннем карауле, охраняя покой Зимнего дворца. О нравах гвардии ходили легенды. К проделкам молодежи, не касавшимся службы и формы, командование относилось весьма добродушно. Но некий случай с подпоручиком Спешневым повлек иные последствия. 12 ноября 1810 года в военной карьере блестящего офицера случилось непоправимое: приказом военного министра «за непристойные звания офицерского поступки» он был переведен тем же чином во Владикавказский гарнизонный полк²².

За двести лет существования Преображенского полка «непристойные поступки» явились причиной увольнения всего дважды. Как правило, отставки были прозрачны: «за мошенничество», «за побег от долгов», «за лень», «за пьянство», за то, что «будучи во дворце в карауле, был найден раздетым и спящим»²³; «непристойность» же, как правило, затрагивала честь дам. Александр Спешнев, переведенный из Петербурга на Кавказ, в захолустный армейский гарнизон (куда отправляли «за неспособностью к полевой службе» или «за полученными ранами»), не только терял два чина²⁴, не только лишался привилегий гвардейца, связей в свете и того особого шика, которым была окружена жизнь преображенца. Сформированный в 1804 году для содержания во Владикавказской крепости²⁵, полк не оставлял наказанному офицеру никаких надежд на выслугу.

Спешнев, однако, к месту службы явился — «Формулярные списки подпоручикам о службе их и о протчем»²⁶ Влади-

кавказского гарнизонного полка со всей полнотой и дотошностью отразили жизненный путь опального офицера. Здесь и были найдены ответы на многочисленные вопросы. Во Владикавказской крепости он пробыл до конца 1811 года. «Ведомость о находящихся в отлучках воинских чинах», составленная в феврале 1812-го, отмечала, что подпоручик 7-й роты 2-го батальона Спешнев находится «по повелению Его Императорского Величества в домовом отпуску в Курской губернии сроком на 4 месяца»²⁷. Однако ни через четыре месяца, ни через год он в полк не вернулся; рапорты исправно переписывались, и только в феврале 1813-го появилась новая пометка: «Находился в отпуску в Курской губернии сроком на четыре месяца генваря с 1-го прошлого 1812 года, а ныне находится за болезнью в той же губернии»²⁸.

Подпоручик Спешнев болел (или отговаривался болезнью) еще два года. Война 1812-го застала его в имении, во время отпуска. В марте гвардия получила приказ выступить к западным границам. Не одно прошение о переводе в армию, надо полагать, он отправил, но наказание оставалось в силе, а Владикавказский полк оставался в крепости. В «Ведомости Владикавказского гарнизонного полка о командированных...» на 1 января 1815 года о подпоручике Спешневе значилось: «В Георгиевске при дивизионном командире генерал-аншефе Дель Поццо для разного употребления по делам службы с декабря 7 дня прошлого 1814»²⁹. По-видимому, это было самое большое, на что он мог рассчитывать; последняя надежда на производство или перевод связывалась теперь с командиром 19-й дивизии, шефом Владикавказского полка, комендантом Владикавказской крепости, кавалером ордена святой Анны 1-й степени генерал-майором Иваном Петровичем Дель Поццо.

Уроженец Тосканы («из италианского шляхетства», как указывал формуляр), знавший пять языков, фортификацию и юриспруденцию, он вступил в российскую службу с «вечным подданством из волонтиров», дослужился до чина полковника, в 1795-м попал в немилость и был отправлен императором Павлом в отставку. Проживая на Тереке не у дел, в 1802-м был захвачен горцами в плен, увезен и посажен в оковы. Только через год за огромную сумму его выкупил князь Ци-

цианов. В награду за страдания Дель Поццо был назначен наместником Кабарды, затем переведен во Владикавказ. Когда туда прибыл Спешнев, комендант крепости был уже вдовцом 65-ти лет; в декабре 1814-го, приблизив к себе разжалованного гвардейца, генерал-майор пытался ускорить его продвижение. Однако не прошло и трех лет, как генерал Ермолов, уважая Дель Поццо за бескорыстие, но не одобряя мягкости его правления, убрал командира полка на покой, назначив комендантом Астрахани, где тот и умер в 1821 году³⁰. Офицеру по особым поручениям Спешневу в связи с отставкой начальника также не осталось ничего другого.

Отставной подпоручик Спешнев «был легендарной личностью, известной своим необузданным характером, своей силой, привлекательностью, красотой и умом. Согласно семейному преданию, он был обольститель — *Charmeur*»³¹. История его женитьбы романтична — и весьма характерна для дерзкого поколения «необузданных соблазнительей». Его будущая жена, Анна Сергеевна Беклешова, «принадлежала к высшей аристократии и имела татарскую кровь. Ее отец, Сергей Андреевич Беклешов, был генерал-губернатором Киевской губернии. Спешнев увидел ее и безумно влюбился. Вместе с компанией таких же молодых наглецов, вроде него самого, он насильно умыкнул ее. Это дело было в свое время большой сенсацией. Однако умыкание не только завершилось законным браком, но Анна Сергеевна искренно полюбила своего мужа. У них родилось двое детей: сын Николай (мой дед) и дочь Надежда».

Александр Спешнев привез жену в богатое имение Курской губернии, село Николаевку Щигровского уезда, не позднее 1820 года. Семейная жизнь молодой четы имела, по видимому, исключительно частный характер и не оставила зримых следов: не попала, например, в протоколы Курской палаты уголовного суда (о волнениях крестьян и буйстве помещиков Щигровского и соседних уездов³²) или в «Курские губернские ведомости».

Богатый барин, вошедший в родство с высшей аристократией, мог жить на широкую ногу и пользоваться уважением соседей. Однако легендарная скандальная история, в которой подпоручик Спешнев, «вместе с компанией таких же моло-

дых наглецов, вроде него самого», насильно умыкает генеральскую дочь, выглядит очень правдоподобной, особенно если учесть позднейший (унаследованный?) опыт «увоза» любимой женщины его сыном; можно даже предположить, что Анна Сергеевна (как двадцать лет спустя возлюбленная Н.А. Спешнева, А.Ф. Савельева) отчасти была посвящена в дерзкие планы похитителя.

Здесь самое время напомнить, что сослуживцем подпоручика Спешнева в Преображенском полку был поручик Дмитрий Николаевич Беклешов, двоюродный брат Анны Сергеевны; который и мог помочь своему однополчанину «увидеть» красавицу-кузину... По единственному сохранившемуся письму (1839 г.) Анны Сергеевны к мужу можно судить, насколько верным было утверждение правнучки, будто прабабушка «искренно полюбила своего мужа»: то обаяние, перед которым не устояла Анна Сергеевна в молодые свои лета, неотразимо действовало на нее, несмотря на своеобразный нрав супруга, и спустя двадцать лет.

Как видим, именно Спешнев-отец, а не Спешнев-сын дает материал для того Ставрогина, каким он представлен в предисловной части романа; дороманный Ставрогин, гвардеец-кавалерист, бретер, красавец и наглец, шалун, со связями в большом свете, разрушивший свою военную карьеру, и увезший девицу и женившийся на ней. На резонный вопрос — откуда мог быть известен этот источник Достоевскому, или он просто угадал тип, совместив этот тип с личностью Спешнева-сына, следует ответить еще одной подробностью из биографии Спешнева-отца.

Зимой 1840 года Николай Спешнев, вольный слушатель Петербургского университета, получил известие о внезапной смерти обожаемого отца, которым безмерно восхищался и которого привык считать образцом человека. Обстоятельства кончины пятидесятивосьмилетнего Александра Николаевича, пред тем долго болевшего, были столь тяжелы и темны, что никогда, ни в одном из писем к матери в последующие двадцать лет сын и словом не обмолвится об отце³³.

Уступаю место Гали Николаевне Спешневой-Бодде, которая в письме своем ко мне (от 19 января 1997 года) изложила — со ссылкой на Мемуар Натальи Алексеевны Спешневой — семей-

ное предание, касающееся этой скорбной темы. «Моя тетушка пишет: В то время как Николай учился в университете, случилась ужасная вещь: его отец поплатился жизнью за свои чары. Говорили, что никакая женщина не может ему противостоять. В результате крестьяне — мужья, братья и отцы — жестоко убили его, подняв на вилы. [В примечании я комментирую этот отрывок и пишу, что мой собственный отец, Николай Алексеевич Спешнев, сообщил мне другую версию, согласно которой крепостные не закололи его вилами, а бросили к его же собственным охотничьим собакам, которые разорвали его на куски. В своем примечании я добавляю, что ни та, ни другая версия семейного предания не подтверждаются документально³⁴. Я также замечаю в связи с пресловутыми чарами Александра Николаевича, что дело было не столько в чарах, сколько просто в его злоупотреблении властью помещика над крестьянами].»

Меня не оставляет ощущение, что это поразительное совпадение, эта тайна, о которой оба — и Достоевский, и Спешнев — всегда и ненарушимо молчали (смерть отца Спешнева случилась через полгода после смерти Михаила Андреевича Достоевского, в обоих случаях родственники не подавали никаких жалоб и замяли дело), могла быть предметом разговора молодых людей; в конце концов двухлетнее знакомство и полугодовое близкое общение, когда Достоевский приезжал к Спешневу и «заставал его почти всегда одного», могло вывести их на поразительно интересный разговор об отцах, которые погибли при таких трагических обстоятельствах.

Если эта гипотеза имеет право на существование, то названный мной источник военной биографии Ставрогина можно считать вполне достоверным. Если эта гипотеза имеет право на существование, она влечет за собой и ряд других выводов, имеющих отношение ко многим реалиям жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Так, военные реалии биографии А.Н. Спешнева выглядят как близкий источник «Воспоминаний о юности и молодости старца Зосимы еще в миру. Поединок». «В Петербурге, в кадетском корпусе, пробыл я долго, почти восемь лет <...> и <...> принял столько новых привычек и даже мнений, что преобразился в существо почти дикое, жестокое и нелепое. Лоск учтивости и светского обращения вместе с французским языком приобрел, а служивших

нам в корпусе солдат считали мы все как за совершенных скотов, и я тоже <...> Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей же чести почти никто из нас и не знал, что она такое есть, а узнал бы, так осмел бы ее тотчас же сам первый. Пьянством, дебоширством и ухарством чуть не гордились» (14; 268). Такие подробности о своей петербургской молодости вполне мог бы рассказать и А.Н. Спешнев — если бы только он приобрел в свое время потребность в исповеди и покаянии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. мои книги: «Федор Достоевский. Одоление демонов» (М., 1996) и «Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба» (М., 2000).

² Цит. по: Людмила Сараскина. Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. М., 2000. С. 493.

³ Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Т. 10. СПб. С. 45—46.

⁴ П.В. Долгоруков. Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854. С. 28.

⁵ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной. Ч. II. М., 1787. С. 380. Родословная под № 414.

⁶ Гр. А.А. Бобринский. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи. Ч. II. СПб., 1890. С. 159—160.

⁷ См.: Русский биографический словарь. Т. 19. СПб., 1909. С. 268.

⁸ «Фамилия Спешнев не является тюркской, но геральдические данные (в одном из трех полей — полумесяц и две шестиконечные звезды и в другом — лук со стрелами) указывают вместе с именем родоначальника Чаадай на генетические связи этой фамилии с тюркскими ее основателями и в первую очередь с фамилией Чаадаев и Чеодаев» (Н.А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 294).

⁹ Москвитянин. 1852. № 23. Отд. II. С. 4.

¹⁰ Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Т. 7. С. 36—37.

¹¹ М. Чернявский. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии, с 1787 по 1869 гг. Тверь. 1869. С. 177. Спешневы значатся под № 1131.

¹² Русский биографический словарь. Т. 19. С. 268.

¹³ А.А. Бобринский. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи. Ч. II. С. 25—26.

¹⁴ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 388—389.

¹⁵ См.: **А.К. Чичерин, С.Н. Долгов, А.Н. Афанасьев.** История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883. В 4-х т. Т. 4. Приложения. СПб., 1883. С. 201.

¹⁶ **И.В. Анненков.** История лейб-гвардии Конного полка. 1731–1848. Ч. 4. СПб., 1849. С. 16.

¹⁷ Список воинскому департаменту, и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам, также кавалерам Военного ордена и старшинам в регулярных войсках на 1787 год. СПб., 1787. С. 83, 107.

¹⁸ См.: **Н.Н. Пузанов.** История лейб-гвардии гренадерского полка. СПб., 1845. С. 131.

¹⁹ См.: **В.К. Судравский.** Памятка лейб-гренадера. СПб., 1908. С. 19.

²⁰ См.: Приказы военного министра за 1810 г. СПб., 1810. С. 92.

²¹ См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1810. СПб., 1810. С. 32–33.

²² Приказы военного министра за 1810 г. С. 155.

²³ **А.К. Чичерин, С.Н. Долгов, А.Н. Афанасьев.** История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 4. Приложения.

²⁴ Гвардейский офицерский чин до 1884 года на два класса превышал армейский. Гвардейский подпоручик был равен армейскому штабс-капитану.

²⁵ См.: Хроника российской армии. Ч. IV. СПб., 1852. С. 194. До 1816 г. полк не выходил за пределы крепости и не принял участия в войне 1812 г.

²⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Ед. хр. 5241–5247.

²⁷ Там же. Ед. хр. 5241. Л. 7.

²⁸ Там же. Ед. хр. 5243. Л. 7.

²⁹ Там же. Ед. хр. 5245. Л. 275.

³⁰ См.: Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 9. С. 28.

³¹ Семейным преданием Г.Н. Спешнева-Бодде назвала сведения, изложенные в Мемуаре ее тетушки, **Н.А. Спешневой.** «По моей просьбе она написала этот Мемуар по-русски в Париже, уделив особое внимание Николаю Александровичу и его отцу. Она прислала мне этот Мемуар в Филадельфию в начале 1970-х. Я перевела его на английский и добавила от себя ряд комментариев. Следует подчеркнуть, что Наталья Алексеевна была склонна романтизировать и приукрашивать то, о чем писала, и некоторые из эпизодов в ее Мемуаре не могут быть подтверждены другими письменными источниками». Здесь и далее ссылки на рукописный текст Мемуара. Комментарий Г.Н. дан в квадратных скобках.

³² См.: Из истории Курского края. Воронеж, 1965. С. 216–222.

³³ То же, или почти то же, произошло и с **Ф.М. Достоевским** после смерти его отца, случившейся 8 июня 1839 г. См. замечание **В.С. Нечаевой** о смерти М.А. Достоевского: «1839 год был отмечен особенно многочисленными крестьянскими волнениями, охватившими многие губернии Центральной России. Причиной была засуха, вызывавшая пожары и безнадежность урожая» (**В.С. Нечаева.** В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939.

С. 50). По сообщению современного историка, «за 9 только лет, с 1835 по 1843 г., было сослано за убийство помещиков 416 крестьян» (Е.А. Мороховец. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937. С. 55).

³¹ В «Курских губернских ведомостях» за 1840 год сообщений о смерти помещика Спешнева также не имеется, как нет их и в Государственном архиве Курской области, среди документов о буйстве помещиков и волнениях крепостных крестьян Щигровского уезда (См., напр.: «Из истории Курского края. Сборник документов и материалов». Воронеж, 1965. С. 216–222); по-видимому, родные А.Н. Спешнева решили замять и замолчать страшную историю.